

Романы Нила Стивенсона

Лавина

Алмазный век

Криптономикон

Барочный цикл

Ртуть

Смешенье

Система мира

Анафем

Семиевие

Падение, или Додж в аду

Синдром отката

Атомный свет

Полостан

D: HEAVY WATER

Нил Стивенсон
и Николь Галланд

Взлет и падение ДОДО

NEAL STEPHENSON

POLOSTAN

BOMB LIGHT

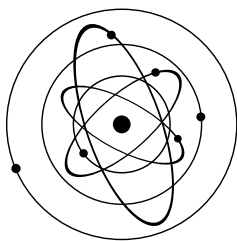
volume 1

НИЛ СТИВЕНСОН

ПОЛОСТАН

АТОМНЫЙ СВЕТ

ТОМ 1

ПЕРЕВОД
ЕКАТЕРИНЫ ДОБРОХОТОВОЙ-МАЙКОВОЙ

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
С80

Neal Stephenson
POLOSTAN

Copyright © 2024 by Neal Stephenson.
All rights reserved

Перевод *Екатерины Доброхотовой-Майковой*
Дизайн *Елены Куликовой*

Стивенсон, Нил.

С80 Полостан / Нил Стивенсон ; [перевод с английского
Е. Доброхотовой-Майковой]. — Москва : Эксмо, 2026. —
400 с.

ISBN 978-5-04-243544-7

Загадочная Дон Рэй Бьорнберг, рожденная на американском Западе в семье ковбоев-анархистов, оказывается в России, где ее воспитывает русский отец — убежденный ленинец, давший ей новое имя — Аврора. Детство она проводит в Ленинграде, затем взрослеет в Монтане, а позже, в разгар Великой депрессии, оказывается втянута в подпольную торговлю оружием и революционную деятельность в Вашингтоне. Когда неожиданное открытие ее прошлого превращает Дон в мишень для американских властей, она возвращается в СССР, где ее начинают готовить к работе в разведке для организации, которая впоследствии будет называться КГБ.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Е. Доброхотова-Майкова,
перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
«Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-243544-7

Шеймусу

Что за народ эти лирики, если они способны говорить о Юпитере только как о человеке и молчат, если это огромный вращающийся шар из метана и аммиака?¹

Ричард Фейнман

¹ Фейнмановские лекции по физике, т. 1, *перев.* А. Ефремова и др.

ПРОЛОГ

ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА

ОКТАБРЬ 1933 г.

Инженер не ездил на товарняках с тех пор, как спасался после бойни в Вашингтоне больше года назад. На востоке он иногда запрыгивал в грузовой вагон, дабы показать, что костюм и галстук не делают из него буржуя. На западе расстояния были слишком велики, а поезда ходили редко — если застрять на неведомом полустанке, можно и не выбраться. Поэтому для поездок из Гэри к Золотым Воротам и обратно он охотно позволял металлургической компании приобрести ему билет в пульмановский вагон.

Соответственно у него не было в голове схемы калифорнийских железных дорог, как у бродяг-хобо, путешествующих товарняками в поисках работы. Он посмотрел карты. Их в металлургической компании было хоть отбавляй. Пути — двойная ниточка рельсов, тонна стали на каждые восемь погонных ярдов, — тянулись вниз от диких гористых просторов Оровилла, Калистоги, Фруто, Тралла, Брея, Уида, Рейзин-Сити и горы Дьябло.

Невозможно было угадать, в каком из этих мест обитают странноватые, непростые родичи Дон. Она могла приехать практически с любой стороны. Впрочем, железнодорожные ветки сходились в несколько магистральных линий, кото-

рые жались к заливу, стараясь подобраться к Сан-Франциско настолько, насколько подпускал рельеф. Одна поворачивала к Вальехо на севере, пересекала Марин и заканчивалась в Сосалито, откуда ходил паром до Оукленда и Сан-Франциско.

Инженер сейчас занимался тем, чтобы оставить паромщиков не у дел, выстроив огромный мост через Золотые Ворота. По работе ему частенько приходилось бывать в Сосалито. Там он и договорился встретиться с Дон сегодня утром. Время она сообщила телеграммой.

В детстве инженера лягнула в лицо корова, которую он доил. Его засунули головой в новомодный аппарат и сделали «рентгеновский снимок в боковой проекции». В кабинете у доктора, глядя на снимок тем глазом, который не заплыл и мог открываться, он был поражен мягким изгибом ротовой полости, защищенной от грязного мира системой губ, десен и челюстей. Однако по-настоящему важны были зубы, торчащие из мяса. Люди привыкли думать о них как о главном украшении улыбки. А на рентгеновском снимке сразу становилось ясно, что они — оружие. Притом дорогое и сложное.

Таким же был и вход в залив. Поросшие кустарником холмы, приятные для глаз, на самом деле — сжимающиеся челюсти залива. Но люди утыкали их клыками — фортами, бункерами и орудийными гнездами, внедренными в оконечности мысов Пресидио и Марин и нацеленными на Золотые Ворота, чтобы перемолоть любой иностранный флот, который попытается форсировать пролив.

В остальном человек на эти холодные, продуваемые ветрами мысы до последнего времени не посягал почти никак, однако, идя вниз плавными изгибами Ломбард-стрит,

инженер увидел в просвет между домами склад и логистический комплекс, успевшие вырасти вокруг старого форта с января нынешнего года. Страна, даром что вязла в депрессии, не отступала от намерения стянуть сюда море стали и толпы людей. И хотя он всей душой ненавидел и эту страну, и ее правительство, его инженерское сердце трепетало от величия замысла.

За военным госпиталем и маленьким аэродромом дорожное покрытие Ломбард-стрит было начисто перемолото колесами тяжелых грузовиков. Дальше улица распадалась на грунтовые дороги и переходила в земляную дамбу, вдающуюся в толкотню барж перед мысом, на котором стоял старый форт.

Инженеру не требовалось ждать парома. В бумажнике у него лежал пропуск, позволявший сесть на любое маленькое судно из тех, что сновали через Золотые Ворота по делам строительства, проскакивая между большими пароходами, отправляющимися в Йокогаму, Манилу, Анкоридж и Перу, и мелкими промысловиками, снарядившимися гоняться за косяками угольной трески.

Он нашел место на суденышке, набитом рабочими. Первый раз остановились почти сразу, на участке перед мысом, где закладывали фундамент южной башни. На нынешнем этапе проводились пока только подводные взрывы и землечерпальные работы. Здесь сходили по большей части водолазы. Через пару часов, в стояние прилива, они наденут большие круглые шлемы и спустятся на глубину закладывать динамит.

Суденышко пробилось на открытую воду. Шел прилив, ветер дул со стороны Тихого океана, усиливая качку, но это нисколько не пугало отчаянных удальцов на судне — по

большей части клепальщиков, которые работали на высотных конструкциях северной башни. Все лето капризная погода Сан-Франциско устраивала им зябкие туманные дни, зато теперь расщедрилась на осеннее солнце. Так что они сидели на палубе, курили, чесали языками, радовались солнцу и любовались видом. Инженер укрылся за рубкой, чтобы ветер не сорвал с него шляпу. Милях в двух по правому борту обозначился Алькатрас. Последнее время его обсуждали больше обычного. Там располагались дисциплинарные казармы, но на днях объявили, что его приобрело федеральное правительство, чтобы устроить на острове тюрьму для самых опасных преступников.

Клепальщики высадились у подножия северной башни, где на подводном фундаменте медленно воздвигался головокругообъемлющий трехмерный лабиринт из лесов и полых стальных элементов. Какофония пневматических клепальных молотков оглушала даже здесь, внизу. Последнюю остановку, почти сразу после предыдущей, суденышко сделало у мыса Марин — там в скальной породе вырастал анкерный устой. Инженеру спешить было некуда, и он дождался, пока на берег сойдут все плотники. Они поднимались по мешанине лестниц на железобетонный зиккурат, который со временем будет удерживать тросы в ярд толщиной. Плотникам предстояло разобрать опалубку от последней заливки, вытащить из досок гвозди и собрать следующий ярус чуть выше. Давление исполинской массы мокрого цемента требовало огромной структурной прочности, так что на опалубку вырубали лес дальше по побережью.

Субординацию плотники не жаловали — попадись инженер им под ноги, сказали бы пару ласковых. Так что он обогнул участок по берегу, поднялся по склону, прошел

между орудийными гнездами, миновал несколько казарм и отыскал дорожку в Сосалито. Там между железнодорожной станцией и паромной пристанью спряталась кафешка. Инженер сел, заказал кофе с куском вишневого пирога (был как раз сезон вишен) и стал дожидаться Дон.

Несмотря на приметную внешность, он узнал ее, только когда она подошла к столику. Дон выросла на дюйм или два и теперь, даже без каблучков, была выше среднего мужчины. Но дело было не только в этом. Пережитые события изменили и ее походку, и манеру держаться. Резвая живость девочки с ранчо — Дон образца 1932 года — сменилась холодным самообладанием, настороженностью без боязливости.

Оба знали, что им не следует обниматься или как-то еще проявлять взаимные чувства. Не так уж много найдется обстоятельств, позволяющих тридцатилетнему холостому инженеру показаться на людях с девушкой, которая по возрасту могла бы еще учиться в колледже. Легенда, которой они пользовались в Индиане — что Дон его деревенская родственница, приехавшая погостить на несколько дней, — здесь бы не прокатила. А истинную причину — что женщины его не интересуют — даже в Сан-Франциско нельзя было упоминать вслух. Он всталжать Дон руку, затем указал на сиденье по другую сторону стола — если кто-нибудь из металлургической компании увидит их и станет задавать вопросы, можно будет ответить, что он беседовал потенциальную секретаршу.

— Дон умерла, — объявила она.

— Я читал заметку в газете. Из Северной Дакоты. Подумал, это может быть про тебя.

Дон подняла одну бровь. Она училась управлять мимикой — говорить без слов.

— Они потеряли интерес, как только выяснили, что это не Бонни Паркер, — добавил он.

Дон кивнула, затем потянулась к меню.

— И как же вас теперь звать, барышня?

— Ав... Аврора. — Она с непривычки запнулась на первом слогe и только со второго раза произнесла свое имя по-английски — ближе к «Аурора» или даже «Орора».

— Твой папа так тебя называл, когда вы говорили между собой по-русски, — припомнил он. — Произносил через «в». Что ж, Аврора так Аврора. — Он пожал плечами и улыбнулся. — Я по-прежнему Боб.

Подошла официантка и смерила Аврору взглядом, что дало Бобу предлог поступить так же. Тем летом в Вашингтоне он наблюдал, как она, по собственному выражению, «карабкается». Приехав чуть ли не бродяжкой, она частично насобираала, частично сшила на руках достаточно приличную одежду, чтобы ее не вышвырнули из парикмахерской, а со временем взобралась по общественной лестнице так высоко, что смогла заявиться Золушкой на бал, где присутствовали генералы и светские дамы. С тех пор у нее было несколько взлетов и падений. По прикидке Боба, сейчас она примерно наполовину вылезла из очередной ямы. В ярком солнечном свете из окна кафе он заметил на одной ее щеке толстый слой тональника, скрывающий что-то, чего ей показывать не хотелось.

Выглядела Аврора измотанной, старше своих лет. Впрочем, заказала она яичницу и тушеные овощи с мясом — если будет так питаться и дальше, платье перестанет висеть как на вешалке. Боб хотел было спросить, когда она последний раз ела досыта, но передумал.

— Скрипка по-прежнему с тобой?

Вопрос был глупый, поскольку она пришла с одним маленьким чемоданчиком.

— Погибла в пожаре. Наверное, оно и к лучшему.

— Яблочко от яблони... — Еще не договорив, Боб скривился, боясь, что затронул болезненную тему, но Аврора лишь чуточку поморщилась. Ему приходилось напоминать себе, что ей всего восемнадцать.

Она раза два глянула на кассу, и Боб сообразил, что она высматривает стойку с газетами.

— Последние недели я была немного отрезана от мира. Навещала родных. У них там газет не бывает. Есть новости про Бонни и Клайда?

Он помотал головой:

— Боюсь, их банду вытеснили с первых страниц конкуренты. Диллинджер сбежал. Пулемету Келли дали пожизненное. Скорее всего, он закончит свои дни в Алькатрасе.

— Это что?

За время разговора им принесли заказ. Боб заметил, что Аврора задает вопросы, чтобы закидывать еду в рот, пока он говорит. Поэтому он объяснил, кому теперь принадлежит Алькатрас и что там планируют устроить. Затем перешел на воспоминания о том, что произошло в Вашингтоне. Рассказал о своих контактах с Коминтерном в этих краях, главным образом в Беркли по другую сторону залива.

Кто-то сел в соседнюю кабинку, и дальше Боб говорил только про мост. Покончив с едой (это много времени не заняло), Аврора без смущения позволила ему за нее расплатиться, а затем купить ей билет на паром. Таковы были привилегии женского пола, о которых девочка-Дон в ковбойских джинсах и не подозревала, но теперь она принимала их как должное.